

Чудеса живут в обыденном

«Жонглер и другие рассказы» - так называется сборник нашего коллеги Евгения Сафронова, вышедший небольшим тиражом. Книга, как пишет в предисловии ульяновский литератор Андрей Цухлов, «неожиданная на фоне местного литературного процесса, словно ниоткуда взявшаяся, увлекательная, нерядовая, качественно и профессионально сделанная». С этим вполне можно согласиться. Евгений Сафронов по образованию филолог, автор научных статей, кандидат филологических наук и уже давно работает в СМИ. Его рассказы отличаются философско-фантастической направленностью, основная тематика связана с поиском неизведанного, чудесного в обыденном. Язык свеж и современен.

«После поездки на маршрутках всегда остается ощущение горечи во рту, как от работающей газовой плитки, которую забыли зажечь. В них не увидишь широкого розовеющего неба, - пишет он в рассказе «Отходная трамваю». - И в девушку, которая вся в колготках и в ресницах, влюбиться сложнее. А в трамвае - все просто и все возможно». Автор как бы мимоходом выдает афористические мудрости. «Пока не понял сути, которая всегда проста, но не всегда очевидна, двигаться далее нельзя, необычайно смелые неологизмы типа «многоангельно» - это о состоянии неба. Таких редкостных находок немало в рассказах Евгения Сафронова.

Несколько его рассказов были опубликованы в местных газетах, интернет-журнале молодых писателей России «Пролог», в журнале «Карамзинский

сад», а также в сборниках «Отражения» (по результатам областного молодежного литературного конкурса 2005 года - 1-е место - в номинации «Проза»), «Первая роса» (по результатам одноименного областного конкурса молодых литераторов 2003 года).

Добавим, что книга Сафронова прекрасно проиллюстрировали молодые ульяновские художники Юлия Рыбкина, Татьяна Половова, Ольга Сафронова и Петр Аверьянов.

У литературы нет и не может быть провинций. Коллектив нашей редакции желает своему коллеге Евгению Сафронову дальнейших успехов в журналистике, научных находок и творческих свершений в литературе!

Александр Лайков, член Союза писателей России

Евгений Сафронов

Отходная трамваю

Не замечали, как меняется мир, когда едешь на трамвае в сторону Центра? Нет? Боже мой, какое невнимание к сути жизни!

Да вот послушайте: вот ты, согбенный прожитой ночью, с утра разлепляешь глаза, - весь какой-то неживой, невзрачный, едва двигаешь во рту зубной щеткой, потом вяло напяливаешь на себя нечто серо-черное, издали похожее на одежду. Затем - бредешь к трамвайной остановке.

И нет в тебе радости жизни и духовной светлости.

Стуча колесами о рельсы, подбегает трамвай твоего, нужного тебе, только тебе номера. Волоча ноги, начинаешь влезать в вагон. Вот, взбрыкнув, поднялась левая нога, затем - вслед за ней - правая. Залез, забился куда-то в гущу вагонного населения. Дышишь тяжело, как солдат во время боевого затишья.

Но - трамвай трогается, набирает ход - и начинаешь чувствовать, как постепенно прибавляется силы, словно у Илюшеньки Муромца, пьющего воду калик переходных.

Как будто электрический ток, запускающий вагонное сердце, пробегает и по твоему телу.

Одна остановка, вторая... Вот и набережная Свяги. Видишь розовеющее небо - все в предчувствии восхода - и славись наступающий день.

Наблюдаешь. Вот мамаша с ребенком. Села. Явно думает о вечном и непреходящем. А ребенок - о чупа-чупсе и яблочном соке.

Вот парень в вязаной шапке, похожий на клоуна: он на-

девает ее так, чтобы сверху обязательно образовывался некий хохол, - как какой-то лешак или бес на старинных иконах.

Вот ветеран поднялся в вагон. Молодец. Флотское что-то в крови. В голове его крутится про какого-то Константина и про грузчиков в порту.

Затем - девушка в черных колготках и с увеличенными ресницами. И то и другое - совсем не подходит ей. Но порозовевшее небо заставляет сразу влюбиться...

И я сразу как-то люблю это и вдохновляюсь этим, и плачу над этим. Вот порозовевшие куполочки церкви на ул. 12-го Сентября. Рядом - какой-то кран, видно, строят чего-то, стараются. А зачем? И так - красиво. И глубоко...

Совсем недавно, едва переставляя ноги и в глубине души кляня действительность, я был мертв ко всему этому. А сейчас, проехав каких-то пять-шесть остановок, - ожил...

Люблю трамвай. Жить от них хочется.

Маршрутки - не то: там, где у них написано: «Место для удара головой», - это для меня и про меня написано. После поездки на маршрутках всегда остается ощущение горечи во рту как от работающей газовой плитки, которую забыли зажечь. В них не увидишь широкого розовеющего неба. И в девушку, которая вся в колготках и в ресницах, влюбиться сложнее. А в трамвае - все просто и все возможно.

Ну, доехал, слава Богу. Моя. Слезаю.

Весна

Он сидел на скамейке, когда-то, вероятно, покрашенной в ровный голубой цвет. Небо,

словно вобрав в себя цвет скамейки, напоминало о весне, и даже воздух неприятно будоражил, заставляя кровь двигаться гораздо быстрее, чем хотел он.

Он - это я.

Я медленно рассматривал эту мысль, пробовал ее, высвечивая разные цветовые рисунки на ее поверхности. Она была чуть синей, с белым облачным оттенком. И небо подтверждало это.

Оно всегда подтверждает или отвергает, но не оценивает. И слава Богу. Оценивают люди. Страдают. Любят... деньги. Или просто - любят. Второе - лучше. (Люди оценивают).

У него был обычный день. Таких - много. Один за другим. Как всегда. И не знаешь, чем начнется и чем закончится.

Ленивый день. Чем-то - интересный. Чем-то - скучный. Как всегда...

Дома - жена, ребенок.

Домой?

Как всегда. Говорят, что критерий человека - это возможность остаться с самим собой наедине и не испытывать скуки.

Элементарно. Он - не человек.

Он - бог. А... кто знает?..

Молод. Я - молод. Я - это он.

Иногда так хочется, чтобы было наоборот.

Иногда - в один из таких дней, как сегодня - он думал: «Что если сегодня - последний день? Последний?! Дальше - смерть. Завтра - не будет. Изменюсь? Вскочу со скамейки и побегу что-то делать? Прощаться с любимыми? Кричать? Что?..»

Бог мой, наверное, и мой последний день будет, как этот - со скамейкой цвета бывшего голубого. И с небом... Господи! Какое хорошее небо... Как свежо, весенне-возбуждающе пахнет!

Он откинулся на спинку скамьи, положил голову на влажные бруссы и унесся в небо.

Хорошо... Где-то там - Бог... Или Он везде? Во мне? В тебе? Хорошо, когда Он здесь, когда чувствуешь, что можешь просто сказать Ему: «Люблю Тебя, Отче!» - и все. И молчать. И молиться.

«Как всегда» - какая чепуха!

Разве бывает обычный день?! Разве день может быть

таким, как всегда? А если ты любишь здесь и сейчас? Если все в тебе говорит о любви - к Богу, к жизни, к земле, к сыну, еще не родившемуся, к людям. К ней.

Он сжал руками сумку, которая до этого, безвольно смявшись, сидела с ним рядом. Глаза его светлели. Он смущался улыбкой. Редкие прохожие шаг за шагом приближались к нему и, дойдя до его скамьи, уходили прочь. Он не удивлялся. Они же не знали, что день сегодня - такой.

«Они, - думал он, - ведь не знают, что «как всегда» - чепуха!» - и снова глядел в небо. Он понимал, что уже опаздывает, но не спешил. Куда спешить?

«Господи, - думал он, - а ведь так просто понять, что «как всегда» - это ложь. Что обычных дней нет, что есть день, который ты живешь и в который можешь умереть, совершить ограбление, пожертвовать на храм, купить мороженое, ворваться в аудиторию с криком: «Пожар!», спасти утопающего, стукнуть по голове свою собаку, а затем плакать и просить прощения, любить любимую, сходить к стоматологу, уйти из дома, повеситься, сказать: «Да», поклониться прохожему, сесть рядом с нищим и просить

центра города.

Недалеко Волга, пробуждаясь, сбивала с себя лед, и тот, ссутулившись, покрывался трещинами.

Рыбаки, беспечно расположившись ровно посередине реки, искусно разыгрывали сцену рыбалки; облачный дым в нескольких сотнях метров над ними немного рассеялся, гостеприимно путив солнце к земле; огненный шар с бесконечными протуберанцами обнимал девять своих пленников; десятый, слегка задетый его гравитационным полем, плавал в миллионах километрах от последнего - Плутона. Бесчисленная череда звезд сливалась в голубовато-белую реку, напоминающую пролитое молоко, и мириады солнц спокойно, величаво и ласково несли свой свет друг другу.

Он шел к центру города, с болью замечая, как тает ненадолго проснувшаяся ясность любви и жизни, шел, не зная, что в трех километрах от него машина задавила женщину, а в пятистах двадцати парсеках от города произошло землетрясение, погубившее мир; не зная, что ребенок, которого он ждет, не родится, что проживет он еще 11 лет 4 месяца 15 дней...

Он шел, темнота раннего вечера медленно сгущалась,

подавание, прочитать книгу, бегать вокруг леса, поехать автостопом, куда предложит водитель, выпить водки, родить или зачать ребенка, затянуть потуже ремень, сыграть в лотерею, толкнуть соседа по трамваю и поругаться с ним или пасть перед ним на колени с раскаянием в глазах; пошутить о смерти...»

Начал накрапывать мелкий холодный весенний дождь, часы показывали десять минут пятого. Он медленно приподнялся, взял сумку, соскользнувшую с влажных брусьев скамейки, и пошел в сторону

и обычный день подходил к концу.

Он не сожалел, что радость так быстро исчезла, ибо знал, что это - только настроение, оно мимолетно, а любовь, которая живет в его сердце, та - вечна...

Он лишь хотел, чтобы таких, обыкновенных, дней было больше в его жизни, и тогда никакие беды не способны будут сломить или хотя бы поколебать его душу.

И я забывал, что он - это я, а он и не вспоминал обо мне.

Использованы иллюстрации из книги Е. Сафронова

